

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-15-23

КОНТЕКСТ КАК СПОСОБ ЭКСПЛИКАЦИИ КВАЛИФИКАТИВНЫХ МОДУСНЫХ КАТЕГОРИЙ

Нагорный И. А.¹, Ивницкий Е. И.²

¹*Цзилинский университет*

130012, г. Чанчунь, ул. Цянцзинь, д. 10, Китайская Народная Республика

²*Белгородский государственный национальный исследовательский университет*

308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85, Российская Федерация

Аннотация.

Цель работы – системное описание квалификативных модусных значений в контексте, выявление способов взаимодействия категорий модальности, эмотивности и оценочности, а также установление степени влияния данных категорий на формирование общего смысла высказывания.

Процедура и методы исследования. Произведён анализ эмпирического материала с применением функционального подхода, что позволило описать квалификативные модусные категории как на уровне элементарной коммуникативной структуры – предложения, так и на уровне текста.

Результаты. Подтверждена гипотеза относительно того, что контекст, являясь одной из обязательных сфер экспликации квалификативных модусных категорий – оценочности, эмотивности и модальности, позволяет функционально проанализировать объективную и субъективную составляющие данных категорий, а также определить параметры их взаимодействия в семантической структуре предложения.

Теоретическая и / или практическая значимость заключается в обобщении теоретических данных по исследуемой теме. Квалификативные модусные категории исследованы на уровне их семантической реализации. Обоснован путь анализа эмпирического материала – от семантических категорий к средствам их репрезентации.

Ключевые слова: квалификативная категория, модус, семантическая структура, говорящий, позиция, оценочность, эмотивность, модальность

THE CONTEXT AS A WAY OF EXPLICATION OF QUALIFYING MODUS CATEGORIES

I. Nagornyy¹, E. Ivnitsky²

¹*Jilin University*

10 Qianjin ul., Changchun 130012, People's Republic of China

²*Belgorod State University*

85 Pobedy ul., Belgorod 308015, Russian Federation

Abstract.

Aim: a systematic description of qualifying modus meanings in the context, identifying ways of interacting with the categories of modality, emotiveness, and evaluativeness, as well as determining the degree of influence of these categories on the formation of the general meaning of the utterance.

Methodology. The empirical material was analyzed using the functional approach, which allowed us to describe the qualifying modus categories both at the level of the elementary communicative structure – sentences, and at the text level.

Results. The hypothesis is confirmed that the context, being one of the obligatory areas of explication of qualifying modus categories – evaluation, emotiveness and modality, allows you to functionally analyze

the objective and subjective components of these categories, as well as determine the parameters of their interaction in the semantic structure of the sentence.

Research implications: it consists in summarizing the theoretical data on the topic under study. Qualitative modus categories are investigated at the level of their semantic realization. The way of analysis of empirical material is substantiated – from semantic categories to the means of their representation.

Keywords: qualification category, modus, semantic structure, speaker, proposition, evaluability, emotivity, modality

Введение

Квалификация сообщаемого в предложении осуществляется с позиции субъекта речи и находит своё выражение в квалификативных модусных категориях: оценочности, эмотивности, модальности. Немаловажную роль при этом играет контекст как средство экспликации указанных модусных категорий. В первую очередь это касается эмотивности в её взаимодействии с оценочностью, поскольку существует мнение о потенциальной эмотивности любого слова: Ш. Балли, например, считал, что «всякая мысль, зависящая от жизни, эмоциональна» [3, с. 32]. И если посмотреть на слово с точки зрения субъекта речи, то репрезентация данного слова в предложении окажется субъективно значимой. При этом контекст выступает как некий вид пресуппозитивного знания: именно контекст может «снимать» полисемию, поддерживать и усиливать значимость отдельных слов, погашать и компенсировать значение слова. Также важно учитывать как минимальное окружение языковой единицы, так и функцию всего текста в определении языкового значения.

В последние десятилетия в лингвистике продолжает усиливаться интерес к содержательной стороне предложения. При этом различные подходы к исследованиям в области семантической составляющей предложения, как правило, не могут претендовать на исключительность и незаменимость, поскольку исследуют предложение в разных аспектах. Н. Д. Арутюнова, например, за смысловую базу предложения принимает логико-синтаксические начала [2]. Для В. А. Белошапковой и

Т. П. Ломтева основа содержательной основы предложения – структура события [4; 8]. Н. Ю. Шведова рассматривает содержание предложения по пути «от формы к смыслу» [7]. А Ш. Балли предлагает разделять содержание предложения на две смысловые составляющие: диктум (объективное содержание) и модус (субъективное содержание) [3].

Особое внимание в лингвистике отводится изучению принципов взаимодействия в предложении лексического и грамматического значений, исследованию способов влияния лексики на семантическую структуру предложения, а также конструктивной формы на смысл высказывания.

В исследованиях квалификативных категорий модальности, эмотивности и оценочности контекст рассматривается как важнейший экспликатор данных значений. Для контекстологических научных описаний важными остаются и сфера семантики предложения [15], анализ его объективного и субъективного содержания [18], и определение параметров специфики взаимодействия контекста с текстовыми категориями, что, в свою очередь, способствует определению как отдельных модусных значений, так и смысла высказывания в целом.

Роль контекста в определении эмотивности, модальности и оценочности

Особое значение контекста обнаруживается в экспликации эмотивной квалификации сообщаемого. В. И. Шаховский определяет эмотивный компонент значения слова как обязательный, факультативный

и потенциальный. При этом утверждает, что «текст может наводить эмотивные семы на совершенно нейтральные слова» [12, с. 77]. Например: *Завязавшаяся стачка застала его (военного врача) на поле и заставила разделить судьбу (против воли) сражающихся и отстреливаться* (Б. Пастернак). В скобках фиксированы словосочетания, являющиеся знаками предложенческих пресуппозиций и усиливающие эмотивный план коммуникативной единицы. Здесь деятель – это лицо, которому не положено брать в руки оружие, поэтому и стрелять ему пришлось против собственной воли. Эмотивно-содержательный план предложения сопровождается модальной квалификацией, где достоверность сообщаемого, репрезентированная в пропозиции осложнённого типа, способствует усилению эмотивной квалификации сообщаемого. Поэтому оценочные пресуппозиции актуализируют эмотивную коннотацию в предложении, и предложение из потенциально эмотивного превращается в оценочное [9]. Оценочная пресуппозиция (в приведённом предложении со знаком «→») находит отражение в эмотивном отношении к сообщаемому, и отрицательная оценка наряду с актуализированной пропозицией становится значимой целью высказывания.

С формальной точки зрения событийные пропозиции предложения (*завязавшаяся стачка, застала его* и др.), объединённые релятивными отношениями, способствуют эмотивной экспликации потенциально оценочных слов. А субстантивированное причастие *сражающихся* актуализирует отрицательную оценку относительно участников сражения. Поэтому формальный аспект предложения способствует формированию эмотивно-оценочного отношения к объективно-отрицательной пропозиции.

Влияние оценочного контекста на квалификацию сообщаемого может быть подтверждено в следующем предложении: *Их (белых) выразительные, привлекательные физиономии казались (доктору) близкими, своими* (Б. Пастернак). Оценочные компо-

ненты *выразительные и привлекательные*, определяющие грамматический субъект, эксплицируют в пропозиции-характеризации (*казались близкими, своими*) деятеля и его эмотивно-оценочную квалификацию сообщаемого. Объективная оценка, которая задаётся темой предложения, таким образом получает в реме предложения субъективную, эмотивно-оценочную квалификацию. В свою очередь субъективная оценка указывает на авторскую позицию, актуализируемую в тексте, а также на выражение говорящим своего отношения к сообщаемому [6, с. 26–28]. Таким образом, именно контекст эксплицирует эмотивный компонент значения слов: нам известно, что речь идёт о гражданской войне, и деление на «своих» и «чужих» является весьма условным, тем более для доктора. Коннотативно-положительную оценку, представленную в пропозиции, усиливает эмотивное значение, которое эксплицируется рядом однородных членов предложения. И если в теме предложения оценка представлена неконститутивными членами (*выразительные, привлекательные*), то в реме предложения оценочные прилагательные выступают в роли однородных сказуемых, которые подчёркивают эмотивную квалификацию сообщаемого.

Отметим, что в предыдущих примерах контекст усиливает эмотивную составляющую содержательной сферы предложения, что способствует формированию субъективно-авторской позиции в тексте. Оценочное значение в первом простом предложении формируется за счёт усиления связи событийных пропозиций в их «временной соотнесённости», а также за счёт пресуппозиционной содержательной оценки [13, с. 15]. Но пресуппозиционная оценка эксплицируется в эмотивных коннотациях (*завязывается стачка; разделить судьбу*), и именно данные коннотации ориентированы не на логическое, а на образное, эмоциональное объяснение так называемого «положения дел».

В тексте, на авторском уровне, нередким является акцентирование внимания читателя на эмотивной квалификации

сообщаемого: *Жалость не позволяла ему целиться в молодых людей, которыми он любовался и которым сочувствовал* (Б. Пастернак). Слово *жалость* относится к лексике эмоций, которая не всеми лингвистами рассматривается как эмотивная. Следует отметить, что лексика эмоций может не содержать квалификативного компонента, если речь идёт либо о её языковом употреблении, либо об использовании её в научном стиле. Видимо, поэтому В. И. Шаховский слова, называющие эмоции, не считает эмотивами [11]. В художественном же тексте лексика эмоций, как правило, имеет непосредственно отношение к эмотивной квалификации сообщаемого, так как продиктована оценочным значением слова. Эмотивность рассматриваемого языкового компонента подтверждается не только его пропозициональным значением (*жалость* – чувство сострадания к кому-, чему-либо [5]), но и другими предикативными эмотивами, фиксированными в указанном предложении (*любовался, сочувствовал*).

С формальной стороны анализируемое предложение не отличается обратным порядком слов, тем не менее, квалификация сообщаемого, помимо оценочных предикатов, формируется эмотивными отношениями, развивающимися на пропозициональном уровне. Поэтому объективно оценочная пропозиция квалифицируется ещё и как реализующая эмотивное отношение, формируемое релятивными (*любовался, сочувствовал*) и каузальной пропозициями.

Подобного рода эмотивные предложения формируют эмоциональную квалификацию не только в пределах одного предложения, но и в пространстве всего текста. Поэтому следующие после репрезентированной эмотивной квалификации предложения с потенциально эмотивной лексикой или с лексикой, называющей эмоции (учитывая наличие эмотивной пресуппозиции), являются эмотивно квалификативными. Например: *На красивом лице юноши были написаны черты невинности и всё протившего страдания*

(Б. Пастернак). Приведённые в статье примеры расположены в контекстуальной последовательности. В последнем примере используется характерное оценочное слово *красивом* и эмотивно-оценочный компонент *страдание*, а пропозиция характеристики актуализируется говорящим и, несомненно, имеет эмотивно-оценочную квалификацию. Но указанным эмотивам именно контекст придаёт более широкую интерпретацию, а значит, актуализирует более категоричную и объективную оценку, связанную с отрицательным отношением к гражданской войне. Кроме того, в приведённом предложении особое значение в квалификации сообщаемого приобретают неконститутивные члены предложения, которые образуют собственную пропозицию (*всё протившего страдания*). С помощью обратного порядка слов на первый план выходит эмотивный компонент оценочной лексики (*на красивом лице юноши*) и, соответственно, отрицательная оценка факта необходимости «убивать молодые, красивые лица».

На уровне контекста можно определить основные аспекты содержания текста [16]. Как тематические фиксируются такие понятия, как *доктор, гражданская война, необходимость отстреливаться*. Проблематичными являются противопоставленные им следующие понятия: *нежелание убивать близких, своих, с красивыми лицами, невинных*. Именно в противопоставлении понятий, в обнаружении несоответствия потребностям говорящего и обнаруживается эмотивно-квалификативный компонент предложения. Оценочная лексика в этом плане способствует формированию и авторской позиции, где автор «сочувствовал», «любовался», выражал «жалость». С формальной точки зрения выразить позицию автора в тексте, а значит, и авторское отношение к сообщаемому, помогают такие способы как использование предложений с однородными членами, реализация обратного порядка слов, актуализация интонационного фактора.

Таким образом, несомненным представляется то, что на уровне контекста

кваликативные модусные категории участвуют в формировании авторского отношения к сообщаемому и выражении, конкретизации авторской позиции [18]. В основе квалификации в приведённых контекстах находится объективная оценка, основанная на объективном положении дел. К объективной проблемной ситуации присоединяется эмотивная квалификация, генерирующая субъективное отношение к сообщаемому посредством пропозиции-характеризации. К эмотивно-оценочной квалификации сообщаемого присоединяется также модальная квалификация, актуализированная в сложном предложении с однородными придаточными, которые являются грамматическими экспликаторами значения достоверности в сообщаемой адресату информации. Последний пример, не привнося в текст ярких кваликативно-смысловых компонентов, является, на наш взгляд, показательным в плане актуализации заявленной ранее эмотивно-оценочной квалификации и подтверждением факта репрезентации авторского отношения к сообщаемому.

Особенностью исследования кваликативных модусных категорий является то, что они отражают различные языковые и речевые аспекты, тесно взаимодействуют друг с другом и под влиянием контекста способны изменять собственное значение. Являясь принадлежностью модусного уровня предложения, они находят выражение в лексических единицах языка, зарождаются на уровне семантики слова и проявляются как в формальной сфере предложения (например, изменение порядка слов), так и на коммуникативно-интонационном уровне. Например: *Доктор лежал без оружия в траве и наблюдал за ходом боя. Всё его сочувствие было на стороне героически погибших белогвардейских детей. Он от души желал им удачи. Это были отпрыски семейств, вероятно, близких ему по духу, его воспитания, его нравственного склада, его понятий* (Б. Пастернак).

В первом предложении все слова употребляются в прямом значении, отсутствуют какие-либо коннотации. Однако уже

здесь зарождается проблематическая ситуация: «доктор наблюдает за боем» – значит, что-то привлекает его внимание; «без оружия наблюдает за боем» – значит, находится в опасности. Поэтому данное, на первый взгляд безоценочное предложение не лишено эмоциональных характеристик, актуализации эмотивного отношения, а именно эмотивной квалификации сообщаемого.

Во втором предложении речь идёт о сочувствии, то есть об «отзывчивом отношении к горю кого-либо» [5]. Эмоционально окрашенное слово является здесь основой для эмотивной квалификации сообщаемого, и сочувствие в данном случае обращено к «детям». Слово *дети* даётся в коннотативном значении, что усиливает эмотивную ситуацию. Эмотивная кваликативная рамка в этом предложении накладывается на связанные между собой событийную и логическую пропозиции.

В последнем примере эксплицитно представлены не только отдельные признаки кваликативных категорий эмотивности и модальности, но и их совместное взаимодействие. *Отпрыски* – устаревшее слово, имеющее значение «дети», оно является образом старой страны, с которой герой ведёт борьбу, но и с которой у него много общего. Несомненно, данная коммуникативная ситуация квалифицируется как эмотивная, выражающая чувства страдания и жалости.

Оценочная квалификация в этом предложении формируется повтором слов с этической оценкой: «нравственного склада», «воспитания». Данные оценочные компоненты не входят в номинативный минимум предложения, но составляют речевую часть высказывания, то есть являются облигаторной целью высказывания. Кваликативная модусная категория модальности также эксплицитно проявляется в этом предложении при помощи слова *вероятно*. Но поскольку в предложении кваликативные модусные категории представлены доминирующим оценочным значением, то модальное значение достоверности корректируется в сторону

представленной оценки. Поэтому *вероятно* здесь употребляется не в значении «может быть», а в значении «скорее всего».

Подобное частное наблюдение позволяет вести речь об оценочности как об одном из основных квалификативных значений, тем более что оценка рассматривается нами в широком понимании: и лексически, и грамматически.

Исходя из анализа смыслового аспекта приведённых примеров, можно, на наш взгляд, утверждать, что для определения в предложении репрезентативных параметров квалификативной категории оценочности, следует отталкиваться от оценочной семантики слова, а затем, в зависимости от типа семантической структуры предложения и места в этой структуре оценочных факторов, определять факт оценочности или безоценочности самого высказывания. Для квалификативной категории эмотивности также значимой представляется семантика слова, однако мы установили, что эмотивность может формироваться и самой эмотивной ситуацией, то есть определяться общей и частной тематикой и проблематикой текста. Экспликация квалификативной категории модальности во многом определяется устройством диктумной и модусной частей предложений, а взаимодействие структурных частей эксплицирует фактор субъекта с его отношением к сообщаемому.

Лексико-грамматический аспект квалификативных модусных категорий

Ещё раз обратим внимание на лексико-грамматический аспект квалификативных модусных категорий, а именно на взаимодействие, взаимодополнение лексического и грамматического значений в определении данных категорий. Если эмоция – это «оценка положения вещей» [1, с. 75], то используются при этом как лексические, так и грамматические языковые средства. А неэмотивная лексика в контексте способна выражать эмотивную квалификацию сообщаемого. По мнению Ф. Данеша, «любое

высказывание эмоционально» [14, с. 274]. Например:

– *Ты знаешь, кто это? Один из лучших русских людей. Путешественник Миклухо-Маклай. Он был великий учёный и верил в добрую волю людей. Он жил один среди людоедов на Новой Гвинее. Безоружный, умирающий от лихорадки* (К. Паустовский).

В начале отрывка после вопросительного знака фиксированы два повествовательных предложения: первое выражает общеоценочную квалификацию предмета речи, второе – его наименование. Общая оценка в первом предложении поясняется словом *русских*, то есть подчёркивается заслуга учёного перед своей нацией. Второе предложение поясняет предыдущую общую оценку компонентом *путешественник*. В следующем предложении собственно структурная схема не выражает оценочной квалификации сообщаемого, оценочность высказывания формируется неструктурными элементами – атрибутами *великий* и *добрую*. Далее фиксируется эмотивная квалификация сообщаемого, которая базируется на несоответствии положительной оценки путешественника и людоедов, среди которых Миклухо-Маклай жил.

В последнем, неполном в структурном аспекте предложении эмотивная квалификация соединяется с оценочной в предикатах: *безоружный* и *умирающий от лихорадки*.

Приведённый контекст даёт возможность не только обозначить квалификативные модусные категории, но и уточнить их значение. То, что Миклухо-Маклай жил среди людоедов на далёком острове, вызывает эмоции и говорящего, и адресата, являясь проявлением эмотивной ситуации. Однако, чтобы определить эмотивное значение, которое формирует эмотивная ситуация, нужно учитывать контекстуальный фактор. Например, чтобы определить степень чувств страха, печали или удивления, которые выражает говорящий, необходимо рассматривать предложение в контексте и с учётом текстовых категорий.

Достаточно часто эксплицитная квалификативная категория эмотивности помо-

гает в контексте определить имплицитное эмотивное значение предложений, функционирующих как показатель эмотивной ситуации: – ... *Но он сумел сделать столько добра дикарям и проявить столько терпения, что, когда за ним пришёл наш корвет «Изумруд», чтобы увезти его в Россию, толпы дикарей плакали на берегу, протягивали к корвету руки и кричали: «Маклай, Маклай!» Так вот, запомни: добротой можно добиться всего* (К. Паустовский).

В начале сложного предложения фиксируется расширенная номинативная структура с оценочными компонентами (*добра, терпения*), семантика которых усиливается наречием *столько*. Таким образом, к собственно оценочной квалификации сообщаемого прибавляется оценочная квалификация, основанная как на контекстном несоответствии для говорящего и адресата героя повествования и дикарей, так и на формальном усилении оценочных слов (*столько*) в семантической структуре предложения. Этому же способствует фиксация эмотивно-оценочной структуры с количественной оценкой *толпы дикарей* и эмотивной квалификации *плакали*. Данная семантическая структура осложняется пропозициями *протягивали руки, кричали*, а модус данного предложения («столько добра и столько милосердия») квалифицирует диктум на уровне параметра информативной достоверности. С позиции квалификативной категории модальности диктум в предложении притягивается к модусу [10] и квалифицирует пропозицию по основному значению достоверности или недостоверности [17]. Последнее предложение контекста наглядно передаёт эксплицированный модус (*запомни*), который квалифицирует диктум (*добротой можно добиться всего*) как достоверный. В диктумной части предложения имеется оценочный компонент *добротой*, занимающий препозициональное положение, также усиливающий субъективный характер высказывания.

Что касается эмотивного слоя модусно-го смысла в приведённом отрывке, то не везде указанный слой эксплицитен, о чём

уже говорилось ранее. Контекст в данном случае способствует пониманию того, что при развитии эмотивной ситуации, когда сообщается о жизни путешественника среди людоедов, эксплицируется эмотивное значение не страха, а сожаления, так как дальше эксплицируются яркие эмоции, передающие страдание героя («безоружный», «умирающий от лихорадки»). Положительная оценка героя формируется в контексте также противопоставлением его положительной характеристики и отрицательной ситуации, в которой он оказался и изменил эту ситуацию к лучшему.

Заключение

Сказанное позволяет сделать заключение относительно того, что квалификативные модусные категории оценочности, эмотивности и модальности на уровне контекста, по нашему мнению, последовательно участвуют в формировании авторского отношения к сообщаемому и проявлении авторской позиции в тексте. В основе модусной квалификации сообщаемого, как правило, находится объективно-авторская оценка, которая в предложении репрезентируется как значимая, сами же субъективные оценки нередко взаимодействуют со смысловым планом эмоционального отношения субъекта, показывающим истинность намерений говорящего. Истинность же и достоверность, в свою очередь, являются основой прагматической экспликации фактора речевого субъекта, проявления личностного оценочного мнения на коммуникативном уровне. Поэтому с семантической точки зрения заявленная последовательность по степени значимости при описании квалификативных модусных категорий представляется весьма перспективной. Контекст же, как нам думается, может быть признан одним из значимых способов экспликации квалификативных модусных категорий.

Статья поступила в редакцию 20.04.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка // Избранные труды. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Либроком, 2019. 384 с.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с 3-го фр. изд. Е. В. и Т. В. Вентцель; Ред., вступ. статья и примеч. Р. А. Будагова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
4. Белошапкова В. А. Современный русский язык. М.: Альянс, 2016. 928 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
6. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Либроком, 2010. 278 с.
7. Грамматика современного русского литературного языка / С. Н. Дмитренко и др.; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1970. 767 с.
8. Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М.: Изд-во МГУ, 1972. 198 с.
9. Нагорный И. А. К вопросу о функционально-категориальных характеристиках русских частиц: утверждение-отрицание и модально-оценочная квалификация сообщаемого // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. №7 (228). Вып. 29. С. 28–36.
10. Нагорный И. А. Грамматико-коммуникативные функции частиц в речевой сфере // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 38. №3. С. 369–378.
11. Шаховский В. И., Жура В. В. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопросы языкознания. 2002. №5. С. 38–56.
12. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
13. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис. Красноярск: Изд-во КГУ, 1988. 47 с.
14. Danes Fr. Cognition and Emotion in the Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field. In: Preprints of the Plenary Session Papers: XIV International Congress of Linguists Organized under Auspices of CIPL, Berlin 10–15. August, 1987. Berlin, 1987, pp. 272–291.
15. Givon T. Mind, Code and Context: Essays in Pragmatics. Hillsdale; New Jersey; London, 1989. 456 p.
16. Kaplan D. DTHAT. In: Syntax and Semantics. Vol. 9 / Ed.by P. Cole. New York, Academic Press, 1978.
17. Ramsey F. P. Facts and Propositions. In: Truth / Ed.by G. Pitcher. New Jersey, 1964, pp. 16–17.
18. Smullyan A. F. Modality and Description. In: Journal of Symbolic Logic, 1948, Vol. 13, pp. 31–37.

REFERENCES

1. Апресян Ю. Д. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical semantics. Synonymic means of language]. In: *Izbrannye trudy. T. 1* [Selected works. Vol. 1]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1995. 472 p.
2. Арутюнова Н. Д. *Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy* [The sentence and its meaning. Logical-semantic problems]. Moscow, Librokom Publ., 2019. 384 p.
3. Bally Sh. *Linguistique Générale et questions de langue française* (Russ. ed.: Budagov R. A., Ventzel E. V., Ventzel T. V., transl. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka*. Moscow, Izd-vo inostranno literaturey Publ., 1955. 416 p.).
4. Beloshapkova V. A. *Sovremennyyi russkii yazyk* [Modern Russian language]. Moscow, Al'yans Publ., 2016. 928 p.
5. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of Russian language] / Comp., chief edit. S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1534 p.
6. Vol'f E. M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow, Librokom Publ., 2010. 278 p.
7. *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [The grammar of modern Russian literary language] / S. N. Dmitrenko et al.; chief ed. N. Yu. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1970. 767 p.
8. Lomtev T. P. *Predlozhenie i ego grammaticheskie kategorii* [The sentence and its grammatical categories]. Moscow, Moscow State University Publ., 1972. 198 p.
9. Nagornyi I. A. [The question of the functional-categorical characteristics of the Russian particle: assertion-negation and modal and evaluative qualifications reported]. In: *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo*

- gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2016, no. 7 (228), Issue 29, pp. 28–36.
10. Nagorny I. A. [Grammatical and communicative functions of particles in the field of speech]. In: *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2019, Vol. 38, no. 3, pp. 369–378.
 11. Shakhovskii V. I., Zhura V. V. [Deixis in the field of emotional speech activity]. In: *Voprosy yazykoznaniiya*, 2002, no. 5, pp. 38–56.
 12. Shakhovskii V. I. *Lingvisticheskaya teoriya emotsii* [Linguistic theory of emotions]. Moscow, Gnozis Publ., 2008. 416 p.
 13. Shmeleva T. V. *Semanticheskii sintaksis* [Semantic syntax]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University Publ., 1988. 47 p.
 14. Danes Fr. Cognition and Emotion in the Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field. In: Preprints of the Plenary Session Papers: XIV International Congress of Linguists Organized under Auspices of CIPL, Berlin 10–15. August, 1987. Berlin, 1987, pp. 272–291.
 15. Givon T. *Mind, Code and Context: Essays in Pragmatics*. Hillsdale; New Jersey; London, 1989. 456 p.
 16. Kaplan D. DTHAT. In: *Syntax and Semantics*. Vol. 9 / Ed. by P. Cole. New York, Academic Press, 1978.
 17. Ramsey F. P. Facts and Propositions. In: *Truth* / Ed. by G. Pitcher. New Jersey, 1964, pp. 16–17.
 18. Smullyan A. F. Modality and Description. In: *Journal of Symbolic Logic*, 1948, Vol. 13, pp. 31–37.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, профессор института иностранных языков Цзилинского университета (Китайская Народная Республика);
e-mail: ignago7@outlook.com

Ивницкий Евгений Иванович – аспирант кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета;
e-mail: ewgen12.ivnitzkij@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor A. Nagorny – Dr. Sci. (Philology), Professor, Institute of Foreign Languages, Jilin University (China);
e-mail: ignago7@outlook.com

Evgeny I. Ivnitky – Postgraduate Student, Department of the Russian Language and Russian Literature, Belgorod State National Research University;
e-mail: ewgen12.ivnitzkij@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Нагорный И. А., Ивницкий Е. И. Контекст как способ экспликации квалификативных модусных категорий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №3. С. 15–23.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-15-23

FOR CITATION

Nagorny I. A., Ivnitky E. I. The context as a way of explication of qualifying modus categories. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 3, pp. 15–23.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-15-23